

Проблема Отчуждения В Русской Литературе, Отраженная В Творчестве Пушкина, Гоголя И Достоевского

Nikolay Paraskevov

Faculty of Modern Languages, Department of Russian language, St. Cyril and St. Methodius University
of Veliko Tarnovo, Bulgaria

ABSTRACT:

Realism of the 19th century found acceptance in Russia much earlier than in Western Europe. Russian realist writers became leading figures in world literature. They introduced new, hitherto unknown principles in the construction of the social-psychological novel, as well as philosophical and moral issues, which fit into the narrative storyline in a peculiar way.

The characters of Pushkin, Gogol and Dostoevsky, in their own way, refract in their minds those real processes and principles of existence in the emerging industrial world that led to the unnatural differentiation and alliteration of the individual. The genius of the novels of these Russian classics lies in the fact that, in parallel with the prominence of the casuistic, the refutation of the soulful and the pseudo-theoretical presence of the characters by the moral force and omnivalence of universal human moral principles grows and finally triumphs. This refutation is neither logical nor theoretical; it is the refutation of life.

KEYWORDS: Alienation, Faith, Russian Classical Novel, Personality, Man, Realism

Реализм возник как направление и метод в Западноевропейской литературе сразу после Романтизма. Его характерной чертой является стремление изобразить действительность через персонажей, ищущих знания в окружающем мире, осмысляющих жизнь с присущими ей противоречиями.

Французский Реализм, который в подлинном смысле слова означает натурализм, противостоит абстрактному человеку Классицизма и Романтизма. Он пытается обосновать реальность человеческого существования в его физиологии, исключая конкретность любой личности, формирующейся на основе исторических процессов, социальных, общественных и идеологических предпосылок эпохи. Физиологический реализм приводит человека лишь к следствию проблемы. Он не способен уловить в нем элемент свободы и поэтому не может воспринять и оценить конфликт, возникающий между человеком и окружающей средой.

Реализм XIX века нашел признание в России гораздо раньше, чем в Западной Европе. Русские писатели-реалисты стали ведущими фигурами в мировой литературе. Они ввели новые, доселе неизвестные принципы построения социально-психологического романа, а также философские и нравственные проблемы, которые своеобразно вписывались в сюжетную линию повествования. История русского классического романа начинается с произведения А. С. Пушкина „Евгений

Онегин“ [4;2017] Стихотворная форма, в которой он написан, придает ему характерное своеобразие. Главный герой Онегин – это тот тип романтически-реалистического человека, сознание которого находится на переходе между двумя эпохами – романтизмом и реализмом. Он погружен в мир своих нереализованных идеалов и мечтаний. Реализм Пушкина здесь основан на многогранном мировоззрении, объединяющем конкретно-историческое с общечеловеческим, детерминизм со свободой человеческой воли. В центре его внимания – разобщенность людей и народов, трагические противоречия истории, сталкивающие общество и личность в неразрешимых конфликтах. В этом произведении автор раскрывает не просто отдельную личность, а целый пласт, существовавший в русском дворянстве в XIX веке. Онегин – олицетворение „лишнего человека“, человека-космополита своего времени, отчуждение которого от действительности становится его мировоззрением. Через образ своего героя Пушкину удается охарактеризовать всю русскую интеллигенцию как воплощение духовного бесплодия и нравственной дисгармонии. Евгений Онегин – герой, также соответствующий реалистическим тенденциям. Это герой, в котором воплотилась идея индивидуальной воли личности, впоследствии развитая М. Ю. Лермонтовым в „Герое нашего времени“. Новую, во многом противоположную пушкинской и лермонтовской, линию в развитии русского реализма внесло творчество Н. В. Гоголя. [2;2019] Он одним из первых в России осознал, что старый семейно-любовный роман начинает исчерпывать себя. Постоянно усложняющаяся действительность в дворянско-крепостнической России подталкивала к изменению композиции русского романа начала XIX века. „Мертвые души“ Гоголя – произведение, отходящее от традиционной формы построения сюжета. Здесь отсутствуют семейные и любовные отношения, а акцент делается на описании частной жизни, происходящей за пределами домашнего круга – в социальной сфере. Автор стремится отобразить феодально-буржуазную Россию в период перехода к индустриальному обществу, со всеми ее недостатками и несовершенствами. Создавая свой тип реалистического романа, Гоголь отходит от направления, взятого Пушкиным и Лермонтовым, но тем не менее сохраняет утверждение своеобразной романтической мечты о прекрасном и справедливом мире, которую он противопоставляет нетрадиционности и скоротечности окружающей действительности.

В своем произведении автор раскрывает целую галерею „мертвых“ душ – деревенских помещиков. В самом начале читатель знакомится с Маниловым – символом полной отрешенности от жизни и олицетворением потомственного проходимца, утопающего в сладкой физической и духовной лени. Единственный полностью раскрытый женский персонаж в романе – степная помещица Коробочка. Ее суеверие, подозрительность и жажда наживы подавляют в ней все остальные качества. Она растет вне влияния цивилизации. Свои представления о жизни и отношения с людьми она строит в соответствии с древними обычаями и личными интересами.

Ненависть к людям и враждебное отношение ко всему миру – вот черты, которые характеризуют кичливого Сабакевича. Он выражает стремление русского помещика как можно дольше продержаться в качестве доминирующей силы. Через образ Наздрева Гоголь показывает полное отсутствие нравственных устоев у русского помещика. Лживость и наглость – самые верные черты его характера. Если, с одной стороны, Коробочка и Сабакевич отражают стремление помещика сохранить свое господствующее дворянское положение, то, с другой стороны, последний из помещиц „плеяды“, Плюшкин, олицетворяет историческое исчерпание дворянского сословия, его нравственное и духовное вырождение. В нем, как и в главном герое Чичикове, главное – страсть к накоплению богатства. Однако эта страсть развивается у обоих в противоположных

направлениях. Чичикова она толкает к интригам и сложным комбинациям, а Плюшкина сковывает. Образ Павла Ивановича Чичикова занимает особое место в романе. Он – воплощение всей подлости, эгоизма и беспринципности, которые несут с собой новые буржуазно-капиталистические отношения, укореняющиеся в России. Все эти персонажи в романе „Мертвые души“ воссозданы на фоне огромного кризиса дворянско-крепостнического общества, ведущего к постоянному обнищанию крестьянства и создающего нравственный и духовный вакуум. Гоголь признавал, что в мире назревают непримиримые и острые, доселе неведомые конфликты, но ему не удалось найти героя-личность, в котором это противоречивое отношение к действительности во всей ее полноте могло бы быть выражено соразмерно грандиозности проблемы. Напротив, Пушкин создает целый ряд персонажей, в той или иной степени воплощающих различные формы бунта против господствующих в мире порядков.

Когда в конфликте с миром человек преодолевает эгоистическое сознание и устремляется к общечеловеческим целям, стремясь заменить старую „формулу“ микрокосмоса новой, возникает новый тип реалистического романа. В нем трагический конфликт, заложенный Пушкиным, переводится в прозаическое повествование, разработанное по гоголевскому образцу. Здесь царящая реальность раскрывается наиболее точно в своем ужасающем и неуловимом виде. Это достигается благодаря тому, что в центре повествования оказывается личность, заявляющая о своем несогласии с установленным порядком.

Все вышесказанное способствует созданию особой и чрезвычайно перспективной жанровой формы – романа-трагедии Ф. М. Достоевского. Главный герой романа Достоевского „Преступление и наказание“ – бывший студент юридического факультета [3;2005]. Родион Раскольников диаметрально противоположен созданным до сих пор в русской литературе образам, проповедует неапологетичный, непримиримый и крайний, но пассивный протест против общества. От пассивности он переходит к активному отрицанию действительности, выражающемуся в попытках ее изменить. Обиженный и оскорбленный крайней нищетой, в которую он попал, социальной несправедливостью, а главное – невозможностью продолжить учебу, выйти в народ, спасти семью, оказавшуюся в тяжелой нужде, Раскольников позволил гордыне, скептицизму и презрению к окружающим завладеть своей душой. Задолго до убийства, которое он совершает, это приводит героя к отчуждению от окружающих. У него появляется желание уединиться в своей узкой комнате и там размышлять о своих „подчиненных разуму“ и эгоцентризму теориях. Раскольникову же свойственно глубокое и искреннее сострадание к таким же бедным людям, как он сам, и желание помочь им всем, чем только можно. Это отдельные проблески доброты в озлобленном сознании героя, на которых не мог быть построен основной конфликт сюжетной линии. Настоящее противоречие – плод тех замыслов, которые озлобленный жизнью персонаж стремится реализовать в своем отчужденном уединении от людей. В основе конфликта лежит та черта характера героя, которую автор хочет обнажить. Именно теории Раскольникова, основанные на „логике“ и „диалектике“, приводят его к мысли о совершении преступления. Первая теория, которую он излагает в газетной статье, казалось бы, не имеет никакого отношения к его собственной ситуации. Однако в ней скрыт глубокий индивидуальный протест исключительного студента против общества, основанного на власти небольшой группы экономически сильных людей над большинством бедняков. В своей статье Раскольников мечтает об обществе, построенном по следующему принципу: власть принадлежит нескольким выдающимся, могущественным личностям (сверхлюдям); они властвуют над презренной толпой, служащей для

сверхлюдей и для самовоспроизводства. По этой причине герой ненавидит реальность, в которой живет, и готов использовать свою теорию, чтобы изменить ее и проверить свою силу, доказав тем самым самому себе, что он один из этих сверхлюдей. В сознании студента-юриста давно засела мысль, что во имя великой идеи, во имя справедливости и прогресса „кровь по совести“ оправдана и разрешена, а иногда даже необходима. Раскольников пострадал, создавая свою общую, эгоцентричную, „наполеоновскую“ теорию, поскольку в ней выразилась вся его ненависть к существующему правовому порядку. Отсюда его поведение до и после преступления. Перед убийством он колеблется – то убеждая себя в своей теории, то сомневаясь в своих физических силах, как неспособных на такой поступок.

Так или иначе, дрожа от страха и почти сходя с ума, он совершает убийство, расправляясь с вредной и бесполезной старухой. Все пережитое окончательно ломает его волю, приводит к нервному срыву, а впоследствии – к горькому и лютому презрению к себе. Именно поэтому Раскольникову не хватает ни хладнокровия, ни решительности, ни чисто практической способности завладеть деньгами убитой и скрыться от следствия.

Во многом поэтому он вскоре попадает под подозрение опытного и проницательного следователя Порфирия Петровича.

Бесконечно анализируя результат своего жестокого эксперимента, Раскольников судорожно пытается оценить свою способность преступить закон. Всем своим весом на него обрушивается страшная правда – преступление бессмысленно. Он не достигает цели и напрасно губит себя. Он оказывается обычным человеком, одним из „материала“. Раскольников приходит к выводу, что настоящие правители в истории человечества делают свой выбор и совершают преступления, не задумываясь о последствиях, и он сам не имеет права допустить подобного. Чтобы опровергнуть теорию своего героя, Достоевский подвергает его жестоким душевным терзаниям. Преступление само по себе содержит наказание. Эти муки имеют особый характер, они ничуть не похожи на обычные муки совести, которые терзают убийцу. Рихтер говорит о таком типе угрызений совести, когда утверждает, что „человек обычно испытывает непосредственное влияние боли других людей и испытывает страх, когда поступает неизбирательно и несправедливо по отношению к другим. Таким образом, основа морали коренится в человеческой природе, в собственной совести индивида“, перед которой он испытывает угрызения совести [5;1998]. Герой убеждает себя в том, что его преступление не опровергает его теорию, а лишь доказывает, что он сам не принадлежит к сверхлюдям, а является „эстетической вошью“ (по его собственным словам). На самом деле он убивает только себя как „сильного человека“, а не „принцип сильного человека“. Мысль о том, что он недостойн идеала, терзающая его душу, становится жесточайшим наказанием за совершенное преступление. В таком состоянии, не находя в себе сил представить себя спокойным и обеспокоенным за мать и сестру, только что приехавших в Петербург, Раскольников уединяется. Не в его силах вынести окончательное и бесповоротное отчуждение от всех, пренебрежение любовью близких ему людей и, как следствие, невозможность вынести собственное преступление. Отчуждение от людей и внутренняя разобщенность становятся необходимым условием и неизбежным результатом преступления Раскольникова – бунта „необыкновенной“ личности.

Герой Достоевского жестоко наказан, но в этом наказании кроется его спасение. Как антипод своего главного героя автор строит образ Свидригайлова. В отличие от Разумихина, Дуни и Сони, он принимает преступление Раскольникова совершенно спокойно и хладнокровно. Свидригайлова удивляет беспокойство, которое овладевает Раскольниковым после убийства. Он пытается успокоить

его и почти придать ему мужества. Свидригайлов понимает, что Раскольников не такой, как он, что он не может переступить через себя, что он все еще остается на стороне „гражданина“ и „человека“. Свидригайлов сам преступает через себя. Он подавляет в себе все человеческое и социальное. Отсюда его равнодушный цинизм и необычайная откровенность. Свидригайлов также признает идеи Раскольникова своими, с той лишь разницей, что он считает себя человеком, освобожденным от моральных ценностей „человека и гражданина“, тогда как Раскольников не смог изгнать их из своего сознания. В личности Свидригайлова осталось только одно – безграничное сладострастие. Стремление Раскольникова к безграничной свободе оборачивается несвободой и даже самопорабощением. С другой стороны, чтобы реализовать эту безграничную свободу, герой должен пренебречь другим человеком в себе – гражданином и, прежде всего, личностью. Если он этого не сделает, то безграничная свобода превратится в рабство. Самым красноречивым и безусловным подтверждением окончательного разоблачения теории Раскольникова становится бесчеловечное обращение Лужина с Соней. Для Раскольникова это „истинный властелин“, великий инквизитор, хладнокровно превращающий толпу („материал“) в средство для достижения своих (по его мнению, вполне достойных) целей. Герой понимает, что он не является и не может быть сверхчеловеком, если не пожертвует своей творческой, раскольнической, „неординарной“ личностью и ее свободой ради другой личности и другой безграничной свободы – сверхчеловека. Более того, чтобы властвовать над толпой, „сильная личность“ должна высмеивать и уничтожать ее, а это противоречит сострадательным и гуманистическим взглядам Раскольникова. Таким образом, вся его казуистика становится огромной ложью, теоретическим преступлением.

Не кто-нибудь, а сама грешница Соня Мармеладова спасает Раскольникова. Именно ей наиболее чуждо представление героя о безграничной и непоправимой бессмысленности существования. Она верит в некое высшее, перводанное и глубокое провидение жизни, определяющее высокий смысл человеческого существования. Идея Сони, по словам Виссариона Белинского, – это религия, Христос, православие [1;2022]. Столкновение между ней и Раскольниковым становится идейной квинтэссенцией романа. С другой стороны, вера у Раскольникова не идет из сердца (как у Сони), а сливается с его теорией. Он проявляет непоследовательность в своем отрицании христианства. Он не отрицает Христа и веру в него, но в то же время яростно выступает против христианской морали, ставя на ее место свою теорию „сильного человека“. По замыслу Достоевского, Соня призвана чистотой своей души неопровержимо подтвердить истинность христианского идеала. Ее идеология сводится к вере в Бога, которая, в типично русской манере, не нуждается в логическом объяснении. Соня боится жизни, которая уже отняла у нее своеобразие и комфорт подручности, в хайдеггеровском понимании этого слова [6;2005]. Она признает свою слабость перед лицом жизни и бежит от ее ужасов в самое безопасное, непререкаемое лоно религии. Поэтому не в ее силах опровергнуть диалектику Раскольникова или хотя бы овладеть его душой.

Родион Раскольников сдается следствию, но не разубеждается в правоте своей теории. Единственная причина, по которой он сдается, – отказ от греха своей больной души, ведь страдания в тюрьме дадут ему катарсис счастья. Крах идеи Раскольникова связан с крахом его ментальности. Субъект смиряется перед христианской истиной, то есть новая логика опровергается не на основе его поступков, а на основе христианской догматики. Действия самого Раскольникова можно охарактеризовать как постоянную борьбу бессильного сознания и всемогущей бессознательной души. Он пытается „разлегитимизировать свою веру“, возвысив на

ее место мораль какого-то нереального сверхсущества. При этом неизбежно возникает предположение, что определяющим и мощным принципом человека может и должно быть образное и интуитивное восприятие мира, а не голая и безличная эманация ratio. „Человеческая мораль внутренне связана в интерсубъективном смысле с контекстом общего сознания и общих человеческих ценностей“, – так считает П. Николов. [7;2024] Герои Достоевского своеобразно преломляют в своем сознании те реальные процессы и принципы существования в формирующемся индустриальном мире, которые ведут к противоестественной дифференциации и аллитерации личности. Гениальность романа Достоевского заключается в том, что параллельно с выдвиганием на первый план казуистики растет и торжествует опровержение духовности и псевдотеоретичности самого Раскольникова нравственной силой и универсальностью учения Христа. Это опровержение не логическое и не теоретическое, это опровержение жизни. Глубокая уязвимость и нелепость мира рождает идею Раскольникова, но именно они ее и разрушают.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белинский, В., Добролюбов, Н., Луч света в темном царстве, Изд. АСТ, 2022
2. Гогол, Н.В., Мертви души, Изд. „Хеликон“, 2019
3. Достоевски, Ф.М., Престъпление и наказание, Изд. „З. Стоянов“, 2005
4. Пушкин, А.С., Евгений Онегин, Изд. „З. Стоянов“, 2017
5. Рихтер, Х. Е., Общуване със страха, глава XXIII, сп. Философия, #1/1998, с.34, превод: Пламен Николов, ISSN: 0861–6302
6. Хайдегер, М., Битие и време, АИ „М. Дринов“, 2005, превод Димитър Зашев, ISBN: 9544304932
7. Nikolov, P., Dereligionisation of Human Faith, Article in IJFMR, Vol. 6, Issue 4, July-August 2024. DOI 10.36948/ijfmr.2024.v06i04.24478